

А.Г. Шешкен

Роль фольклора и становление литературы на македонском языке (памяти Н.И. Кравцова)

Аннотация: В статье раскрывается роль фольклора в процессе формирования македонской литературы на македонском языке. На примере поэзии и литературной критики крупнейших национальных писателей XX в. Кочо Рацина (1908–1943) и Блаже Конеского (1921–1993) автор анализирует функционирование поэтики фольклора, использование мотивов, жанров, образов, метрики, эпитетов и метафор в художественной литературе, показывая, что народная поэзия служила постоянным источником обогащения литературы.

Ключевые слова: фольклор, македонская литература, народный эпос, баллада, легенда, поэма, стихосложение, Кочо Рацин, Блаже Конеский

Abstract: The article reveals the role of folklore in the process of formation of Macedonian literature in Macedonian language. Poetry and literary criticism of nationally major writers of the 20th century Koco Racin (1908–1943) and Blaže Koneski (1921–1993) have been being analyzed as the process of functioning of folklore poetics. And the use of motifs, genres, images, metrics, epithets and metaphors in literature has been uncovered as well. It is shown that folk poetry served as a constant source of enrichment of Macedonian literature.

Key words: folklore, Macedonian literature, folk epic, ballad, legend, poem, poetry, Koco Racin, Blaže Koneski

Выдающийся отечественный ученый, крупный специалист в области славянских литератур и фольклора, Н.И. Кравцов (1906–1980) в статье «Искусство и народное творчество (к вопросу о примитивизме и стилизации в славянских литературах» отметил, что искусство и литература славянских народов «связаны с народно-поэтическим творчеством больше, чем искусство и литература многих европейских стран. Это обусловлено тем, что славянам пришлось испытать многовековую борьбу с иноземными завоевателями (татаро-монголами, турками, немцами) и защищать не только независимость, но и самостоятельность своей культуры, которая в те времена была представлена прежде всего народным творчеством. Народное творчество играло исключительно важную роль в формировании национальной культуры славянских народов и стало важной составной ее

частью»¹. Это наблюдение верно и в отношении македонской литературы – самой молодой из всех славянских литератур, хотя и уходящей корнями ко времени возникновения славянской письменности.

Македонская литература на национальном языке прошла долгий путь становления, который увенчался появлением накануне Второй мировой войны сборника поэзии Кочо Рацина (1908–1943) «Белые зори» (1939)². В поэзии, а также в литературной критике и публицистике поэта эта литература заявила о себе как о самостоятельном сформировавшемся явлении. Национальная литература создавалась с опорой на устное поэтическое народное творчество и эстетические поиски искусства межвоенного периода. Большинству ее авторов в той или иной степени были близки идеи движения «социальной литературы» (К. Рацин, К. Неделковский, В. Марковский и др.). Известно, что участники этого течения были знакомы с концепциями других европейских художественных течений, особенно тех, которым была свойственна протестная, бунтарская направленность (футуризм, сюрреализм). Это в полной мере относится и к Кочо Рацину, который как личность сформировался в рамках социалистического движения Югославии 1920–1930-х гг. и в ранней лирике (на сербском языке) был близок экспрессионизму (стихотворение «Фейерверк»). Однако для его поэзия на македонском языке главным источником художественного опыта было прежде всего народное творчество, актуальное и с точки зрения идейного содержания. Как подчеркивал Н.И. Кравцов, «народный художник, обращаясь к фольклору, во-первых, открывает в нем что-то новое, до него неизвестное; во-вторых, используя народный художественный опыт, создает произведения большого идейно-эстетического содержания»³.

В поэзии К. Рацина заметно преобладание актуальной проблематики, которая находилась в центре внимания крупных художников межвоенной эпохи: мотивов социального неравенства, сочувствия тяжелой доле крестьянина и ремесленника и протеста против существующего общественного устройства, мечтаний о прекрасном и справедливом будущем. Эту проблематику поэт раскрывал, опираясь на устную поэтическую традицию. К. Рацин был глубоким знатоком фольклора и собирателем народной поэзии. Ему, в частности, принадлежат записи партизанской поэзии времен Второй мировой войны («Македонские народно-освободительные песни», 1943). Писатель видел в «народной песне Македонии ее молитву, отражение ее души и ее дыхание». Он говорил, что эта песня «сразу проникает прямо в сердце, потому что в нем она и родилась»⁴.

В статье-манифесте «Развитие и значение нашей новой литературы» (1940) Рацин подчеркнул особую роль традиции народной поэзии для успешного развития нарождающейся литературы на родном языке. Первый македонский национальный поэт был убежден, что, «тесно связанная с народной жизнью, эта литература не могла не быть верным и живым отражением горя и страданий, но одновременно и выражением идеалов народа, его “сердцем и совестью”»⁵. Рацин видел в современных авторах преемников писателей, предпринимавших в прошлом попытки писать на языке своего народа: «Дело, которое было начато Пейчиновичем, Миладино-

¹ Кравцов Н.И. Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973. С. 323–324.

² Подробнее см.: Шешкен А.Г. Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007. С. 8–69.

³ Кравцов Н.И. Сравнительное изучение славянских литератур. С. 325.

⁴ Рацин К. Македонска народна песна // Рацин К. Стихови и проза. Скопје, 1954. С. 256–257. Здесь и далее перевод наш. – А.Ш.

⁵ Рацин К. Развитоког и значењето на една нова наша книжевност // Рацин К. Стихови и проза. С. 217.

выми и Жинзифовым и сломленное однажды историческими обстоятельствами, сейчас снова возвращается в свое русло и находит своих достойных последователей». Поэты-романтики XIX в. К. Миладинов и Р. Жинзифов широко использовали жанры и выразительные средства народной поэзии и создали ряд поэтических шедевров, заложивших основу классического фонда македонской лирики. Одним из самых известных стихотворений того времени является написанное на охридско-стружском диалекте стихотворение «Тоска по югу» К. Миладинова, воспевающее красоты родного края. Оно стало своего рода поэтическим знаменем современной Македонии. Его чтением открываются ежегодные международные «Стружские вечера поэзии», фестиваль, широко известный за пределами страны и собирающий большое число участников из разных стран. Творчество поэтов XIX в., как и писателей межвоенного периода, включая самого Рацина, стало после 1945 г. для молодой македонской литературы важнейшим художественным опытом.

В послевоенное время (1945 – начало 1950-х гг.) македонская литература начала осваивать новую тематику (изображение борьбы против фашизма, партизанского движения, революции, восстановления страны), она обратилась к изображению новых жизненных типов, воспевая героя времени (воина-партизана и молодого строителя новой жизни). При этом молодая македонская лирика, в эстетическом плане основываясь на опыте соцреализма, сознательно опиралась на опыт предшественников. Она соединяла, вслед за Рациным, в поэзии актуальное содержание и фольклорную модель, обновляя сюжеты и мотивы, приспособлявая к современным нуждам традиционные жанры, используя богатство ритмики, рифмы, эпитетов, сравнений и метафор. Например, С. Яневский (1921–2000) в первых поэтических сборниках «Кровавое ожерелье» («Крвава низа», 1945) и «Стихи» («Песни», 1948), посвященных самоотверженной борьбе македонского народа за свободу, демонстрирует широкое освоение литературой традиционных жанров народной лирики: «Гайдуцкая легенда», «Горная колыбельная», «Свадебная песня». В готовые формулы привносятся современные мотивы. Поэт обращается к традиционному для народного эпоса мотиву: защитник родины до победы «обвенчан» не с девушкой, а с винтовкой. Лирический герой С. Яневского рассказывает об ужасах фашистской оккупации, о слезах македонских матерей, мечтает о занимающейся заре новой жизни. Образ поработанной, но не побежденной страны поэт создает, используя характерные для современной истории символы. Один из них – «свастика» («кукаст крст») – сопровождается рядом эпитетов и метафор, которые народный исполнитель традиционно употреблял для характеристики образа злодея и угнетателя. Это «птица смерти», «черный ворон» с огромными и острыми когтями, которые впиваются в родную землю. Везде, где эта птица пролетает, остаются следы злодеяний, что подчеркивается характерной рифмой – «гробна» / «кобна» («гробовая / роковая»). Годы оккупации в соответствии с народной традицией обозначены как «черные года» и «рабство тяжкое».

Другой важной традицией для македонской литературы послевоенного времени стала русская литература, особенно произведения, посвященные революции, гражданской войне и социалистическому строительству (М. Горький, В. Маяковский, А. Фадеев, Н. Островский и др.). Она лидирует по количеству переводов и упоминаниям в критических статьях. Обращение к ее творческому опыту заметно как в поэзии, так и в нарождающейся прозе на македонском языке (В. Малеский, С. Яневский, Й. Бошковский, К. Чашуле). При всей популярности Маяковского и культа поэта как трибуна революции развивать его традицию македонским литера-

торам оказалось весьма непросто. Если с точки зрения идейности все получалось, то поэтическое новаторство давалось с большим трудом. Молодой македонский литературный язык еще не был к этому готов. Время для эксперимента пришло спустя десять лет, когда национальная лирика почувствовала силы для решительного обновления поэтического языка. Тем не менее в македонской поэзии послевоенного времени есть образец соединения двух основных линий ее предпочтений.

Интересным и – с художественной точки зрения – удачным примером неожиданного сочетания фольклорной традиции и авангардной лирики является поэма Б. Конеского «Мост» (1945). Для македонского поэта была важна как новизна тематики произведений Маяковского, воспевание им технического прогресса и верности революционной идее, так и поэтическое новаторство этого одного из самых ярких поэтических бунтарей русской литературы. Случай нечастый в те годы и на редкость успешный.

Поэма «Мост» посвящена подвигу партизан и героическому труду молодежи, восстанавливающей разрушенную войной страну. В ней композиционно выделяются две части, противопоставленные друг другу тематически (каждая имеет свой сюжет) и по стихотворной модели. Одна часть («рамка» – начало и конец поэмы) представляет восстановление железнодорожного полотна и моста, взорванного во время боя. В ней преобладают мотивы созидания, стремительного пути в будущее, сконцентрированные в образе паровоза. Он намеренно эстетизируется автором («красавец молодой») и неизменно изображается освещенным солнечным светом. Паровоз олицетворяется, превращается в живое существо, образ которого при помощи многочисленных эпитетов, метафор и сравнений наделяется чертами неизменного и любимого спутника героев народного эпоса – красивого и сильного коня. Он «разжевает гриву», «прыгает, играет», «дико бьет копытом, фыркает», «бурно радуется воле». Концентрация глагольных форм усиливает динамику поэмы. В неудержимом стремительном движении паровоза («вперед несется») заключена метафора победного наступления новой жизни. Она усиливается образом солнца – традиционным оптимистическим жизнеутверждающим символом.

Автор славит созидательный труд молодежи, устраняющей препятствия на пути паровоза и восстанавливающей разрушенный мост. Строфика и звуковая организация стиха, звуковые повторы (аллитерация и ассонансы) передают энергичную атмосферу стройки:

Чука чеканот,
железо чкрта
размава раце великанот кран,
наоколу се врти
 намрштен.
Пиштат шините
под швајс-машините,
искра прска¹.

Б. Конеский, воспевая созидательный труд, восторгаясь совсем «непоэтическими» предметами (подъемным краном, газосваркой), использует «лесенку» (в то время ассоциировавшаяся именно с Маяковским), выступая новатором в области национального стихосложения. Задача продемонстрировать поэтические возмож-

¹ Перевод Т. Бек на русский язык не везде сохранил эти особенности: «Ухает мотор / гудит арматура / кран-великан / одорукий, хмурый / крутится так, что аж рельсам жарко / искрами / брызгает / газосварка» (*Конеский Блаже. Стихи. М., 1987*).

ности еще совсем молодого литературного языка в области тонического, акцентного стиха вдохновляла Конеского. Недаром в его поэме акцентный стих оказался рядом с традиционным фольклорным «десетерцем». Успешное решение сложной задачи заставляло поэта неоднократно возвращаться к тексту поэмы даже спустя много лет, когда данная тема утратила актуальность. Писатель продолжал дорабатывать поэму, оттачивать рифму и ритмический рисунок произведения, что в целом было ему несвойственно. Поэма приобрела законченный вид только через двадцать с лишним лет после первой публикации, в издании «Собрания сочинений» Б. Конеского в 1967 г.

Мотив свободного радостного труда контрастирует в произведении с довоенной картиной беспросветной нужды подневольного человека, день и ночь гнувшего спину «за корку хлеба», центральной части поэмы – «Сказании старого мастера», написанной размером народного эпоса – «десетерцем». «Сказание» написано с опорой на фольклорную традицию. Его центральным мотивом является распространенный в народном эпосе мотив жертвы, принесенной для прочности постройки. Мастер рассказывает о своем единственном сыне, погибшем в сражении за мост. Его рассказ переосмысляет фольклорный мотив, в частности, широко известной эпической песни о построении Скадра. В нем *вила* (мифическое существо, живущее в горах) требует человеческую жертву, чтобы построить крепость. Б. Конеский перефразирует народную формулу о «жертве»:

Кровь пропитала его опоры
Сам смерч не страшен такому мосту.

Фольклорная часть поэмы также ассоциативно связана с литературой межвоенного периода, прежде всего с лирикой К. Рацина, который часто использовал похожие «формулы» («аргатка клета»; «младост горка», «камен тежок живот»). Б. Конеский сознательно расставил соответствующие акценты, вызывающие в памяти произведения своего предшественника. Он придавал особое значение творчеству К. Рацина и считал насущной задачей для македонской литературы развитие его традиций.

Тогда же в статье «Проблемы македонской литературы (1945) Б. Конеский писал, что современные поэты должны не просто подражать народной лирике, а прежде всего сохранять близость с ней «по духу», и одновременно предостерегал от «формального отношения к народной поэзии». Пример творческого отношения к национальной традиции будущий классик македонской литературы видел в поэзии К. Рацина, В. Марковского, К. Неделковского, которые, «отталкиваясь от народной песни, много сделали для распространения новых поэтических форм, которые смогли лучше отразить проблематику нашего времени»¹. Хрестоматийным примером такого использования фольклорной традиции стало стихотворение самого Б. Конеского «Тешкото» (1946) – описание народного танца-хоровода, передающего атмосферу единения разных поколений народа, выстоявшего в страшных испытаниях, пронесшего сквозь века мечту о свободной жизни и принесшего для этого великие жертвы.

В течение первых послевоенных лет в молодой македонской литературе сформировалось объективное представление и о собственной литературной традиции, тоже неизменно обращавшейся к фольклору. «Особый акцент ставился на значимости творчества основоположника современной македонской литературы Кочо Рацина, внимание уделялось также К. Неделковскому, М. Боевскому, А. Кара-

¹ Там же.

манову, Н.Й. Вапцарову. В то же время проявляется интерес... к литературному наследию XIX – начала XX вв., к деятельности Кирилла Пейчиновича, И. Крчовского, братьев Миладиновых, Г. Прличева, Р. Жинзифова, М. Цепенкова, К. Мисиркова. Все это способствовало самоосмыслению македонской литературы, которая, при неравномерности своего развития, обусловленного историческими обстоятельствами, открывала и осознавала свою преемственность с опытом прошлого и продолжала развивать имеющиеся традиции»¹. Справедливость этого суждения авторитетного македонского ученого В. Смилевского подтверждается многочисленными примерами из произведений целого ряда авторов.

В подтверждение этих слов приведем примеры из поэзии Б. Конеского, который на разных этапах своего творчества чувствовал потребность «беседовать» с теми, кто стоял у истоков национальной литературы. Он посвящает свои стихотворения и поэмы Р. Жинзифову (поэма «Встреча с Жинзифовым»), Г. Прличеву («Григор Прличев»), Н. Вапцарову («Посмертная песня»), К. Рацину и К. Неделковскому (поэма «Рукопожатие»).

У Б. Конеского есть сонет, посвященный К. Рацину («Кочо Рацин»), что достаточно неожиданно, учитывая особенности жанра сонета и то, что сам адресат сонетов не писал. Возможное предположение такого решения Б. Конеского заключается в том, что Рацин мечтал о том, чтобы македонская литература заняла достойное место среди других литератур. Б. Конеский называет своего предшественника «трагическим пророком». В стихотворении присутствуют основные поэтические образы рациновской лирики. Одним из постоянных мотивов этого и других стихов Б. Конеского, относящихся к теме поэта и поэзии, является размышление о трагических судьбах македонских поэтов, трудностях жизненного пути, одиночестве и непонимании современников, – но и о силе их слова, способного тронуть сердца потомков. Весьма характерно позднее стихотворение Б. Конеского «Македонские поэты» (1989). Приведем это короткое стихотворение полностью:

Каква судбина!
Да ти се чини дека правиш
најзалудна работа на светов.
А сепак Рацин и Вапцаров
како два силни бора
шумат
и пак е
сé
со човечка смисла
исполнето².

Автор рассуждает о смысле и ценности поэтического слова, его месте в современной жизни. Творчество Б. Конеского во многом определило развитие македонской лирики второй половины XX в., стало, в свою очередь, ее важной традицией, в том числе в использовании фольклорных мотивов и образов. В этом отношении важнейшую роль сыграл его сборник «Вышивальщица» (1955). Н.И. Кравцов писал о значимости традиции: «Литературное развитие регулируется важной закономер-

¹ *Смилевски В.* Аспекти на македонската литература: 1945–1985. Скопје. 1993. С. 22.

² Подстрочник: Какая судьба! / Тебе вот кажется, будто ты исполняешь / самую бесполезную на свете работу. / И все же Рацин и Вапцаров / как два могучие древа (достовно: две могучие ели) / шумят / и снова / все / человеческим смыслом / наполнено.

ностью – необходимостью усвоения предшествующего художественного опыта, без чего писатель и литература вообще не могут сделать нового шага вперед»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Ильина Г.Я. Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в. М., 1985. 288 с.

Кравцов Н.И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973. 361 с.

Делото на Блаже Конески. Остварувања и преспективи. Скопје. 2002. 452 с.

Рацин К. Стихови и проза. Скопје, 1954.

Смилевски В. Аспекти на македонската литература. Скопје, 1993. 364 с.

REFERENCES

Ilyina G.Ya. (1985) The Development of the Yugoslav Novel in 20–30 years of the twentieth century. Moscow. 288 p.

Kravtsov N.I. (1973) Questions of Comparative Study of Slavic Literatures. Moscow. 361 p.
Case of Blaže Koneski. Achievements and Prospects. Skopje. 2002. 452 p.

Racin K. (1954) Verses and Prose. Skopje.

Smilevski V. (1993) Aspects of Macedonian Literature. Skopje. 364 p.

Сведения об авторе:
Алла Геннадьевна Шешкен,
докт. филол. наук
профессор
кафедра славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова.

Alla Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

¹ *Кравцов Н.И.* Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973. С. 66.